

РАССКАЗЫ
О ТВОРЧЕСКОМ
ПУТИ

СВЕТЛЫЙ КЛОУН

Смех светел, писал Н. В. Гоголь. Эти слова невольно приходят на память, когда анализируешь творчество Олега Попова. Веселый и деятельный, будто всерьез озабоченный своими проделками, простодушный и зоркий, появляется он на цирковой арене. Лукавый и в то же время добрый огонек поблескивает в голубых глазах, мягкие пряди льняных волос обрамляют румяное лицо. Уже сам облик молодого клоуна своеобразен. Без парика, почти без грима, он не украшает свой костюм традиционными блестящими, не стремится к остро гротескным преувеличениям деталей одежды, отказывается и от чаплинского контраста черного фрака не по росту и от нелепых манер. Талант Попова обладает драгоценным качеством: у него есть индивидуальность. Она обнаруживается в манерах и замыслах, сюжетах его клоунады, в поведении у ковра.



Кажется, совсем недавно он — подросток из рабочей среды, вступающий в акробатический кружок клуба одного из московских заводов, потом ученик циркового училища. И вот уже — заслуженный артист республики, участник гастролей во Франции, Англии, Бельгии и Польше, получивший большое мировое признание. Солнечным клоуном назвали его за рубежом, и это соответствует стилю советского цирка, самобытному характеру самого Олега Попова.

Да, он ни на кого не похож. Но в этой оригинальности легко найти и традиции русской комедийности, русского жизнерадостного фольклора, традиции наивного и яркого лука и тончайшего мастерства народных умельцев. Не однажды созданный Поповым комический образ вызывал ассоциации с характером героя русских сказок Иванушки, названного дурачком, а на самом деле — сметливого, удачливого, с открыто доброю душою. Русский характер отчетливо сказывается в искусстве Попова.

Вот в репризе-пародии на акробатический этюд он появляется на арене в восточном одеянии, но изпод экзотического тюрбана смотрит на зрителя прелестное, удивительно открытое русское лицо с радостными глазами. Вот его, как и всех клоунов мирового цирка, на арене преследуют неудачи: спотыкается, падает, встает и падает снова. Но Попову чуждо уныние. Это веселый парень, сродни русским скоморохам, который непременно поставит на своем, добьется успеха.

Простодушие и искренняя доброта всегда остаются его свойствами. Слон выпивает вино, приготовленное для Олега Попова, морской лев бьет его плавником, собравшая из нелепых деталей смешная машина, которую он пестует и любит, взрывается и сгорает. Но ничто не выбивает клоуна из колен. Он только удивленно поглядывает вокруг себя чуть расширенными глазами.

Один из сольных номеров Олега Попова называется «эксцентрик на проволоке». Это не та привычная эксцентрика, которая граничит с гротеском, слагаясь из нарочито резких переходов, угловатых линий и неожиданных, как бы рваных ритмов. Нет, Попов и в эксцентрике остается лирически-мягким, его пластика сохраняет певучую гармонию движений, а самые головокружительные трюки кажутся естественными в своей непринужденности.

Веселое искусство русских комиков никогда не было отделено от социально-острых тенденций. И юмор Попова не ограничивается остроумными репризами-пародиями на основные номера цирковой программы. Язывательная ирония то и дело проскальзывает в его выступлениях. Вот он важно проходит перед вытянувшимися в строй акробатами-прыгунами: то выпячивает грудь, то,

пугаясь, низко кланяется... Готов угрожать, когда чувствует себя в безопасности, и тут же боязливо оглядывается по сторонам. Так он осмеивает жалкую чванливость и трусость, угодничество перед сильными и наглость перед слабыми. Клоун Карандаш стал острым сатириком; безусловно разовьется юмор и в творчестве Попова. И все же его дальнейший путь — скорее в углублении лирико-гуманистических мотивов. Быть может, его клоунада, шутки на арене в дальнейшем будут все теснее переплетены с элементами драматическими.

В водяной феерии, не так давно шедшей в Московском цирке, Попов играл роль несчастливого влюбленного, готового броситься в воду, чтобы умереть от неразделенной любви. Артист тонко передавал все градации поэтического, окрашенного комизмом чувства. В другой программе он показывал человека, не могущего найти ночлег. Смешная история путешественника, который напрасно стучится в двери переполненных гостиниц, оборачивалась «чаплинской» темой.

Но как бы ни развивалось в дальнейшем творчество молодого клоуна, ясно одно: Попову нужен автор, который создавал бы для его номеров особый, по-цирковому лаконичный текст, находил сюжеты, в которых полнее раскрывался бы выдающийся талант.

Олег Попов — артист синтетический. Клоун «у ковра», он в то же время блестящий жонглер, а его номер на проволоке не уступает искусству крупнейших представителей этого жанра. Но что бы ни делал Попов на арене, он сохраняет свой характер, свою индивидуальность и тему. Его сольные номера не выглядят «вставными» и служат развитию образа «солнечного клоуна».

Среди выразительных средств Попова сейчас преобладают жест и мимика. Он умеет еле уловимым сдвигом русских бровей передать оттенки мыслей, а отточенные интонации его движений заставляют вспомнить искусство лучших пантомимистов. Он обладает редкостной музыкальностью; все в его творчестве гармонично.

Олег Попов и его товарищи вместе с режиссером Н. Зиновьевым готовятся к гастролям на Всемирной выставке в Брюсселе. Артист снова и снова шлифует свое замечательное мастерство.

А по вечерам зажигаются огни над манежем, чуть неуклюжей «клоунской» походкой снова идет по цирковой арене простой, самый обыкновенный русский паренек в кепке. И кажется, перед его светлой, жизнерадостной юностью раскрыт весь огромный мир.

Ю. ГОЛОВАШЕНКО

На снимке: заслуженный артист РСФСР Олег Попов

Фото Г. Чертова